

Научная статья

УДК 811.161.1:81'373

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ РЕЧЕВОГО АКТА В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII–XVIII ВВ.

Регина Рустамовна Раджапова

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, regina.queen7707@mail.ru,
ORCID 0009-0007-8895-7008

Аннотация. Осуществляется комплексный анализ фразеологических единиц (ФЕ), главным компонентом которых являются процессуальные и перформативные глаголы, указывающие на определенные действия как процесс. Данные единицы рассматриваются на материале памятников деловой письменности русского языка XVII–XVIII вв. Автор обосновывает категориальные признаки и своеобразные особенности употребления, а также описывает иллокутивно-перлокутивную функцию объектов исследования: лексикализованные сочетания, фраземы и устойчивые фразы. Предпринимаемая попытка сопоставительного анализа позволяет увидеть в них специфические черты и обнаружить особенности их применения в деловом языке, несмотря на то, что они представляют собой обиходно-разговорные речевые единицы. Дается точка зрения о том, что некоторые примеры, охваченные лексикализацией, следует именовать процессуальными ФЕ. Своеобразие внутренней формы и образной основы способствуют этим единицам речи приобрести идиоматичность, фразеологичность и, самое главное, лексическую неделимость. В итоге всё выражение приобретает устойчивость в составе компонентов и обобщенный смысл, фразеологическую семантику, которая объясняется характером внутренней формы, наличием дополнительных оттенков и экспрессивно-оценочной окраски. С точки зрения коммуникативно-прагматического содержания высказываний, проанализированные ФЕ явно передают определенные типы речевого акта. Автор обращает внимание на типы зависимости, которые наблюдаются между компонентами единиц: лексическая, парадигматическая, синтагматическая и семантическая. Адресант употребляет устойчивые фразы как по традиционным правилам (введение в речь, сообщение), так и по механизмам сознания, продуцирующим мышление: суждение, умозаключение, волеизъявление. Автор делает вывод о том, что, во-первых, тематическая составляющая данной коммуникативной ситуации — официально-деловое обращение челобитчика, который явно имеет мотив и стремление к достижению результата сообщения; во-вторых, исследуемые тексты грамоток и челобитных — это телеграммы и дружеские письма, следовательно, исследуемые единицы речи применены в текстах, чтобы осуществить цель обращения челобитчика, а также цель общения и адресанта, и адресата.

Ключевые слова: фразеологическая единица (ФЕ), фразеологичность, лексикализация, фразема, устойчивая фраза, процессуальность, прагматика, лингвопрагматика, иллокуция, перлокуция

Для цитирования: Раджапова Р. Р. Фразеологические единицы как экспликативы речевого акта в текстах русской деловой письменности XVII–XVIII вв. // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 90–98.

Original article

PHRASEOLOGICAL UNITS AS EXPLICATORS OF A SPEECH ACT IN THE TEXTS OF RUSSIAN BUSINESS WRITING OF THE 17th–18th CENTURIES

Regina R. Radjapova

Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan, regina.queen7707@mail.ru, ORCID 0009-0007-8895-7008

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of phraseological units (PU), the main component of which are procedural and performative verbs, indicating certain actions as a process. These units are considered on the basis of the monuments of business writing of the Russian language of the 17th–18th centuries. The author substan-

tiates categorical features and peculiar features of use and describes the illocutionary-perlocutionary function of the objects of study: lexicalized combinations, phrasemes and set phrases. The attempt of a comparative analysis allows us to see specific features in them and to discover the peculiarities of their use in the business language, even though they are everyday colloquial speech units. The point of view is given that some examples covered by lexicalization should be called procedural phraseological units. The originality of the internal form and figurative basis contribute to these units of speech to acquire idiomatic, phraseological, and most importantly, lexical indivisibility. As a result, the whole expression acquires stability in the composition of the components and a generalized meaning, phraseological semantics, which, due to the nature of the internal form, the presence of additional shades and expressive-evaluative coloring. From the point of view of the communicative-pragmatic content of statements, the analyzed phraseological units clearly convey certain types of speech act. The types of dependence observed between the components of units are lexical, paradigmatic, syntagmatic and semantic. The sender uses fixed phrases both according to traditional rules (introduction to speech, message), and according to the mechanisms of consciousness that produce thinking: judgment, conclusion, expression of will. The author concludes that, firstly, the thematic component of this communicative situation is the official business appeal of the petitioner, who clearly has a motive and desire to achieve the result of the message; secondly, the studied texts of letters and petitions are telegrams and friendly letters, therefore, the studied units of speech are used in texts in order to fulfill the goal of the petitioner's appeal, as well as the goal of communication of both the addresser and the addressee.

Keywords: phraseological unit (PU), phraseology, lexicalization, phraseme, set phrase, processuality, pragmatics, linguopragmatics, illocution, perlocution

For citation: Radjapova RR. Phraseological units as explicators of a speech act in the texts of Russian business writing of the 17th–18th centuries. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):90-98. (In Russ.).

Введение

Человек как личность и специалист на протяжении жизни может вести деятельность в традиционной и социально значимой сфере, а также в области бытовых отношений и общения. Соответственно применяет в той или иной среде деятельности подходящий, отвечающий целям коммуникации языковой знак. Он активизируется в определенном семантическом значении в зависимости от целей и задач общения, содержания и речевой ситуации. Для реализации этого языкового знака в первую очередь потребуются компоненты типовой ситуации речи (субъект речи, речевое действие, адресат и содержание речи), а также элементы денотативной и прагматической ситуаций речи. Таким образом, каждая речевая ситуация может иметь свой определенный набор лексикализованных словосочетаний, устойчивых фраз и выражений.

Прагматическая категория, для которой важны реализация и процесс протекания самого речевого акта, рассматривает использование вышеуказанных единиц речи для обозначения перформативных высказываний. Любые речевые формулы вытекают в речи как следствие отношения говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату. Данные единицы воспроизводятся как готовые выражения в случае, если возникает определенная ситуация в момент речи.

Довольно интересно представлены в текстах

деловых документов XVII–XVIII вв. обиходно-разговорные речевые единицы, которые были употреблены в силу ситуации речи и как следствие протекания самого речевого акта между адресантом и адресатом. Сама картина ведения и протекания диалога заявителя и адресата представляет собой аргументативный дискурс. В этом процессе сторонники использовали лексикализованные сочетания, фраземы и устойчивые фразы (далее УФ). Их главным компонентом являются перформативные глаголы, указывающие на определенные действия. Структурно-прагматическая особенность указанных языковых средств — выражать ассертивы, директивы, комиссивы, декларативы и экспрессивы в речи и этим воздействовать на адресата. Согласно Р. Блакару, «Выразиться нейтрально невозможно. Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект» [3. С. 92].

Таким образом, актуальность данной работы обусловлена проведением лингвопрагматического исследования лексикализованных сочетаний, фразем и УФ. На наш взгляд, сопоставительный анализ позволит увидеть в них специфические черты и обнаружить особенности их применения в деловом языке, несмотря на то, что они представляют собой обиходно-разговорные речевые единицы.

Наша цель, во-первых, разобраться в самой природе указанных выше объектов исследования, почему же то или иное сочетание относится к одному из указанных видов; во-вторых, выявить

причину того, что нельзя объединить эти формулы под общим названием «фразеологическая единица»; в-третьих, рассмотреть иллокутивную и перлокутивную функции, а также стилистические особенности этих единиц речи в текстах.

Материалом для нашего исследования послужили данные грамоток, актов юридических, московской деловой письменности XVII–XVIII вв., в частности, челобитные.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней будет осуществлено комплексное изучение фразеологических единиц, имеющих в структуре своего значения общую категориальную сему «процессуальность» и которые функционировали в текстах русской деловой письменности XVII–XVIII вв.

Методы исследования. Задачи, поставленные в работе, предполагают использование комплекса различных методов и подходов лингвистического исследования: синхронно-диахронный метод, описательный метод, метод наложения (аппликации), метод компонентного анализа, метод функционально-параметрического описания семантики фразеологизма, лингвострановедческий и лингвопрагматический подходы, метод выборки фразеологических единиц, методы классификации и систематизации, направленные на выделение различных групп и объединение в них фразеологизмов на основе сходных признаков и др.

Результаты исследования

Первым объектом нашего исследования являются лексикализованные сочетания, стержневыми компонентами которых выступает глагол (*жить правдою, держать в приказе, (не) вестись в такую напасть*). По сути, эти единицы могут представлять собой и процессуальные фразеологизмы. Наша задача — выявить структурный признак данных языковых знаков и определить, каким же образом следует их именовать.

Еще в прошлом столетии в трудах академика В. В. Виноградова по фразеологии в основу определения ФЕ положен структурный признак языка — устойчивость, воспроизведение в речи сочетаний слов как готовых единиц, и дано тщательное описание признаков фразеологической устойчивости. Со структурно-семантической точки зрения, основной признак фразеологичности — в невыводимости значения сочетаний слов из значений слов, их составляющих, в критерии так называемой идиоматичности. Этой точки зрения придерживался Б. А. Ларин и считал, что предметом фразеологии должны быть слово-

сочетания, характеризующиеся «семантическим обновлением», которое он усматривал в идиомах и метафорических сочетаниях. Н. М. Александров и В. Л. Архангельский стремились объединить признаки лексико-семантической устойчивости и идиоматичности для определения ФЕ. А в сочетаниях с фразеологически связанными значениями слов они усматривали наличие идиоматичности.

По мнению А. А. Реформатского, все лексикализованные сочетания идиоматичны. Это мнение не разделяет Е. А. Иванникова, утверждая, что «при лексикализации глагольное словосочетание теряет способность расчлененно обозначать единое понятие, но не становится лексически неделимым» [4. С. 78]. Это распространенное в фразеологической литературе мнение нуждается в пересмотре.

В рассмотренных далее оборотах нет конкретизации в обозначении действия оттого, что глагольный компонент почти потерял свое вещественное значение:

– *(не) навести на себя гнев* — «какими-то действиями и поступками вызвать недовольство или возмущение с чьей-либо стороны»:

Не наведи на себя гнѣву, отпускаи с Москвы казну крымскую тотчас [7. С. 32];

– *принести свою вину* — «осознать свои ошибки и выразить сожаление о совершенном проступке»:

К гсдрю вину свою | принес да и дшу б свою тѣмь | очистил скасал про то [7. С. 275];

– *положиться на совесть* — «твердый призыв надеяться и доверять кому-либо; о порядочном и добросовестном человеке»:

Вы можете на маю совесть полажитца;

– *(не) вестись в такую напасть* — «о том, что какие-то действия или поступки приводят к неприятностям, бедам»:

Что вы ме|ня не ведете в такую напасть;

– *взять на себя (живота его)* — «брать на себя ответственность; быть ответственным за кого-то»:

Ево ложную скаску укаБал великий| гсдрь всят животы ево | на себя великого гсдря [8. С. 38, 46, 99];

– *подать руку помощи* — «помочь кому-либо, поддержать кого-то в трудную минуту»:

Млсрдием своим подаи безпомо|чьному руку помощи и при[па]метуи гсдрь обо мнѣ | гсдрю кнзю Михаилу Юревичю что мнѣ перемѣна;

– *быть незабвенным* — «остаться в вечной и славной памяти; быть всегда почтенным»:

В молитвахъ вашихъ святыхъ азъ грѣшныи не забвенъ | быті желаю [5. С. 13, 166];

— *жить правдою* — «вести деятельную жизнь в полном согласии слова и дела; быть честным и порядочным человеком»:

И жить во всемъ правдою [1. С. 305].

Мы разделяем мнение Е. А. Иванниковой о том, что в подобных конструкциях вспомогательное значение глагола стало обычным, закрепленным общественной практикой, и понимание этих оборотов не составляет никаких затруднений. Следует учитывать, что в указанных примерах сам смысл становится ясным только при сочетании глагола со словом, которое семантически и грамматически связывается с ним. А связанные с глаголом слова указывают на его переносное значение и выступают в качестве названия существенного признака понятия, выраженного всем фразеологизмом в целом. Эти слова не конкретизируют понятия, выраженного глаголом, а конструируют вместе с глаголом новое понятие, в котором логическое и образное слито воедино. Это можно проследить и в следующих оборотах:

— *держатъ несуменную веру* — «доверять незабвенно, неизгладимо, полностью кому-либо»:

Милостью то зделалас и ты свѣтъ мои держи к нему | несуменную веру;

— *снять крест с себя* — «освободить себя от ответственности за какое-то деяние; отказаться от выполнения определенного обязательства в силу возникших обстоятельств»:

Первое де велѣли ему снят крсть | с себя [7. С. 20, 258];

— *пустить кровь* — «1. Устар. Вылечиться от недуга кровопусканием из вены (это метод лечения в прошлом: знахари выпускали кровь из вены больных); 2. Наказать за какие-то деяния, сильно избив кого-то»:

На прошедшей недели я очень занемогъ, такъ что вчарась | принужденъ былъ себе кровь пустить [8. С. 89];

— *держатъ в приказе* — «в полном подчинении: иметь неограниченную власть над кем-либо»:

Меня держатъ в приказе | и того ж числа лучилъ перед нимъ члвкъ [5. С. 176].

В перечисленных примерах стержневое слово теряет свою лексическую отдельность, растворяясь в словосочетании, но сохраняя при этом синтаксические связи: ведь без них немислимо никакое сочетание слов — ни свободное, ни фразеологическое. Опорное и зависимое слово цельно выражают определенное значение, так как

полностью связываются и по смыслу и грамматически. Если будем придерживаться этого мнения, то нашей точке зрения соответствует мнение Ю. Р. Гепнера о том, что «сохранение словом его лексической отдельности создает для него возможность распространиться до свободного словосочетания или стать компонентом фразеологизма, в котором лексическое значение слова тускнеет, перестает сам по себе, без связи с другим словом, выражать смысл» [3. С. 63].

Следует отметить, что действительно, в приведенных примерах всё же непрременной особенностью остается идиоматичность и фразеологичность. Следовательно, их можно именовать процессуальными фразеологизмами. Это суждение в первую очередь определяется тем, что в рассмотренных примерах один компонент употребляется в переносном значении или немного теряет свое вещественное значение: *держатъ в приказе, снять крест с себя, держатъ несуменную веру, пустить кровь*. Эту особенность добавочного значения как результат наличия в словосочетаниях слов с непрямым значением можно сводить и к тропам, и в итоге утверждать, что они представляют собой метафорические сочетания. Однако любое слово может быть средством образности, но только в определенном контексте. Фразеологизмы же — это образные средства *sui generis*. В лингвопрагматическом аспекте приведенные ФЕ в текстах вводились в речь с целью выразить их отношение говорящего к происходящему или из-за происходящего обстоятельства.

Сущность фразеологичности данных оборотов заключается в лексической неделимости, которая возникла в результате переосмысления сочетаний слов в результате наличия в составе сочетания слов, иначе не употребляемых в языке: *жить правдою, податъ руку помощи, быть незабвенным, положить на совесть, (не) навестить на себя гнев, принести свою вину, (не) вестись в такую напастъ, взять на себя (живота его)*. Как мы видим, сочетания из глагола плюс инфинитив делают понятия расчлененными, органически соединяющими логическое с образным.

Следующий этап нашего исследования представляет особый интерес — это прагматический анализ коммуникации «челобитчик — государь», в которой речевой акт протекает таксономически организовано, то есть производится адресантом с определенной целью. В данном случае в первую очередь необходимо установить характер и степень модифицирования челобитчиком

перфомативных высказываний с точки зрения его отношения к действительности. И соответственно, важной особенностью этого коммуникативного стиля являются использованные фраземы, стержневыми компонентами которых выступает глагол. Как показывает анализ, эти единицы воспроизводились в речи с учетом того, что было определенное коммуникативное намерение говорящего в момент речи.

Иллокутивная составляющая нижеприведенных речевых произведений представляет собой глаголы, которые явно передают определенные типы речевого (иллокутивного) акта:

1. Фраземы, выражающие констатацию какого-то факта:

– (не) положить гнев (сменить/положить гнев на милость) — «рассердиться на кого-либо; перестать сердиться»:

sa все твое к себѣ млсрдие много челом | бью і вперед гсдрь а что рыба моеи присылки | не годна и тебѣ б в том гсдрь гнѣву не положит чаял | ся;

– жить при милости — «быть под покровительством кого-то; испытывать великодушное отношение к себе»:

Гри|горья нашего Богдановича Синовева в ну|жде моеі что живет при млсти Івана Іва|новича бутурлина о чем у меня писано к нему | і послана [5. С. 10, 76];

– (не) учинить насильства — «о фактическом (не) совершении акта насилия»:

Их с того острова не сбили, никакого насильства не учинили;

– дать на оброк — «предоставить что-либо на безвозмездное временное пользование»:

А посадкой де данной староста Митька Тихоновъ далъ имъ Непокшаномъ тотъ остіговъ на оброкъ и отъ монастыря вотчину отвелъ безъ сыску [1. С. 76];

– вступить в бедность — «дать понять кому-л. о своем плохом состоянии». В предложении данный оборот в значении «присоединяться к кому-либо, поддерживать кого-либо в чем-нибудь» может быть заменен современным вариантом фразеологизма *братъ чью-либо сторону*:

Штоб пожаловал млсть свою над ними бедными удивил | вступилъ въ их бедность и разорене от поклепного и на|прасного иску их освободил [7. С. 42].

2. Фраземы, отражающие интенциональное состояние говорящего:

– (не) учинить меня; ведомо учинить — «просьба поставить в известность другого, сообщить ему что-либо, известить о чем-либо»:

Что | дошла добра пожалуи не учини меня вскор|мленика своево забыта прикажи гсдрь ко мнѣ отписать о своемъ многолѣтнемъ здорovie | и о бабушкине спасенномъ блгопрѣбывани | какъ тебѣ гсдря моево.

Что | означитца о чем наперед сего к тебѣ писал | и ты гсдрь пожалуи ко мнѣ млсть свою подаи | и ко мнѣ прикажи въдомо учинить;

– учинить (дарить, сотворить) милость — «просьба помочь, поддержать в трудную минуту»:

Будем и я у тебя гсдря приятеля млсти про|шу учини надо мною совершенную млсть пожалуи | вблехчися к Москве не самешкав [5. С. 40];

– вконец не погибнуть; скитаться меж двор — «просьба не быть равнодушным к бедственному (плачевному) положению кого-то»:

А мнѣ бы в том вконец не погинут и голодную смертию не | умереть црь гсдрь смилуися пожалуи;

Велите гсдри их сослатъ | чтоб мнѣ бѣднои вконецъ не расоритца і межъ дворъ | не скитатца цри гсдри смилуитесь пожалуите [7. С. 63, 70, 114];

– к делу взять — «1. Просьба обратить внимание; приобщить какой-то факт к действительности; 2. Учитывая что-либо, пускать в ход действий»:

И списокъ съ записи к дѣлу взять [1. С. 80];

3. Фраземы, отражающие интенсивность проявления прокламации высказывания:

– дать на поруки — «объявление решения о том, что выполнение какой-либо деятельности будет осуществляться под чьим-либо надзором»:

Гсдрь пожаловал велѣл члка их дат на по|руку и датъ сроку до Николина осеннего | ннешнаго РѣЕ г году.

Мы согласны с мнением о том, что устойчивость, лексическая неделимость, традиционность употребления — характерная черта ФЕ. Однако она носит относительный характер. Разделяя участь слов и конструкций, фразеологизмы изменяются в процессе употребления семантически и структурно. Между членами вышеприведенных фразем различается лексическая, парадигматическая, синтагматическая и семантическая зависимость.

Примерами лексической зависимости являются «вступить в бедность; скитаться меж двор; жить при милости» — интердепенденция компонентов данных единиц обусловлена семантикой глаголов «вступить; скитаться; жить», которая раскрывает и внутреннюю фор-

му. И именно «символьное прочтение» осуществляется благодаря тому, что их компоненты связываются и сочетаются только в данной комплекции, и, следовательно, они лексически связаны.

Парадигматическая обусловленность единиц «ведомо учинить; вконец не погибнуть» определяется тем, что значение каждого из компонентов подчинено единству общего образного значения всего фразеологического выражения в целом: глагол свободно несет номинативную функцию, и значение оборота понимается в буквальном смысле.

Между компонентами фразем «дать на оброк; дать на поруки; взять к делу» наблюдается синтагматическая зависимость. Глагол управляет зависимым словом и требует его постановки в словоизменительной форме: дать/взять + предлог + существительное, из которой вытекает единство смыслового содержания оборота в целом.

Целостное значение единиц «(не) положить гнев; учинить (дарить, сотворить) милость; учинить насильство» вытекает из значений ее опорных слов «гнев; милость; насильство», которые в сочетании с глагольными компонентами имеют и лексическое единство, и семантическую слитность.

В ходе анализа источников нашего исследования нами было найдено немало устойчивых выражений, которые обладают смысловой и интонационной законченностью. Точнее говоря, речь идет о фразеологических оборотах, имеющих структуру предложения: *Бог по сердцу положит, кормиться Христовым именем; во всё положить упование своё*. Л. П. Якубинский называл их «сложными синтаксическими шаблонами» и «целыми шаблонными фразами» [8. С. 23]. При этом он одним из первых попытался противопоставить синтаксические фразеологические единицы предложениям свободной синтаксической структуры. Именно Д. Н. Шмелёв сформулировал общее определение синтаксической фразеологии как «связанного синтаксиса» и назвал такие ФЕ «результатом своеобразной лексикализации отдельных синтаксических конструкций, имеющих (именно как конструкции, а не сочетания каких-то конкретных слов) фразеологический характер» [11. С. 327]. Н. М. Шанский предложил называть такие ФЕ «фразеологические обороты, структурно равнозначные предложению» [10. С. 58], В. Л. Архангельский — «устойчивые фразы» [2. С. 30], В. Н. Телия — «фразеосхемы» [9. С. 677–678].

Исследования данных ученых позволили нам сформулировать определение и выбор наименования таких ФЕ «устойчивыми фразами». Результаты нашего анализа позволяют нам практически убедиться в том, что они имеют качественно определенное устойчивое значение и повторяются в определенной ситуации и известном контексте речи, где реализуют, нередко с ограничениями, потенциально присущие им формы времени, модальности и лица, соотнося с точки зрения говорящего свое значение с действительностью и получая ту или иную интонацию сообщения.

В проанализированных источниках использовано немало количество УФ, имеющих в составе религионимы: *Бог, Христос, монастырское смирение* и др. Они служили особым видом обращения и заявления в грамотках и челобитных, в которых содержались религиозные и нравоучительные оттенки значения. Заявитель использовал в речи такого рода УФ с целью выразить свое отношение к выражаемой собственной мысли в документе. Следовательно, эти УФ несут в себе также информированную окраску мыслительного процесса личности, исходящего в случае каких-либо проявлений и пережитых эмоций: чувств, воли, мышления, воображения.

Исследуемые тексты грамоток и челобитных имеют особенность жанра телеграмм, дружеских писем и поздравительных открыток. И именно применение в данных текстах УФ обусловлено потребностями общения обеих сторон: 1) потребность решить текущие дела; 2) проинформировать о своем отношении либо положении по поводу какого-то вопроса; 3) поддержать контакт и дружеские отношения с адресатом. Еще одной важной чертой данных УФ является передача адресантом различных форм мышления:

1. «Суждение»: *Бог посетил нас такой печалью; кормиться Христовым именем; смирять монастырским смирением; сохранит/соблюдет десница вышняго Бога (Божья):*

Есть въ еетале немалая печаль что бгъ нас посетилъ | такую печалью [8. С. 52].

Приговорили смирять монастырскимъ смириениемъ. А въ томъ имъ не норовить;

Кормился Христовым именем;

И ссудную запись на себя доброволно даю [1. С. 121, 167, 219, 228];

Млстивои мои гсдрь Алеѣтъи Ѳедорович здравие твое | да соблюдет десница вышняго бга и с сожителни|цею своею на веки.

Моих гсдреи сохранит десница бжия на лета многа [5. С. 31].

2. «Умозаключение»: *жить в послушании и в покорении; жить по своему приговору; быть во всём послушным и покорным, и безответно; Бог по сердцу положит; на милость уповать Бога (создателя):*

И намъ его Василья и постричи. А жити ему въ послушании и въ покорении и всякие монастырские службы проходити безответно;

По своему приговору жити.

И стѣнныхъ покосовъ впрѣдъ мнѣ Ивану не продать и не заложить, и ни въ какие крѣпости не укрѣпить. Быть во всемъ послушну и покорну и безответну [1. С. 166, 229];

Пожалуи гсдръ умилися в токое нужное и голодное въ|ремя одолжи милостию своею хлѣбомъ | рожью и всомъ чемъ тебя гсдря | бгъ по серцу положить смилуися гсдръ | Емельанъ Игнатъевич пожалуи;

На Валуках апрѣля по два десять | вторьи днь дал бгъ здоровы уповаем на млсть вс|щедраго бга да буди вамъ вѣдамо пожаловаль | млсть свою;

Дал бгъ живы да воли бжи а | врет на милость ево же сосѣдате|ля уповаем да прошу у тебя Пе|тръ Яковлевичъ твоего здорове про|менил блженная память дедушка гас|ударева жалованья у Торопецком у|езде.

3. «Волеизъявление»: *постричь вольно и покоить его в монастыре; во всём положить упование своё; явить отеческую свою милость; быть покровным десницею вышняго Бога:*

И буде онъ Иванъ изволить въ дому Пречистыя Богородицы жить, или постричься волно и покоить его въ монастырь;

Розорение дом пус|ть розстроился толко гсдръ во всем положи упование свое | на содѣтеля своего Христа какъ что ему свѣту годе;

Алеѣтемъ в Помесном приказе росписано | имянно а ннѣ я прошу вишего к себѣ отеческаго милосердия дабы вша | ко мнѣ была незаплатная млсть;

Явите ко мнѣ | отеческую свою млсть чтоб та челобитная не уничтожи|лас.

Гсдрю моему млстивому ко мнѣ кнсю | Василью Васильевичю искатель | млсти твоеи Петрушка Головин челом | бьет здравствуи гсдръ мои на многи|е лѣта и буди покровен десни|цею вышняго бга пожалуи гсдръ | прикажи ко мнѣ писат о своем много|лѣтном здоровие [5. С. 14, 31, 42, 46, 134].

В целом в рассмотренных УФ представлен, во-первых, способ концептуализации действительности — представление христиан о един-

ственном творце Вселенной; во-вторых, передана информация об отношении заявителя к номинируемому объекту (адресату, собеседнику). И как нам показывает анализ УФ, всё это обусловлено потребностями общения и челобитчика и ответчика.

В заключение хотелось бы отметить, что рассмотренные ФЕ в результате однотипности неоднократно повторяемых ситуаций, употреблялись носителями языка как стандартизированные речевые обороты. Подавляющее их большинство отличается высокой коммуникативной актуальностью. Почти все они принадлежат устной речи, поэтому дело будущего — создать фразеологический словарь, где при этих ФЕ будет указано их функционально-стилистическое содержание.

Заключение

Подобный теоретический анализ научной литературы по соответствующей теме показывает, что проблема выявления и определения основных признаков лексикализованных сочетаний, фразем и УФ рассматривалась достаточно широко. В то же время целый ряд конкретных вопросов, связанных с их существенными категориями остается мало разработанным. К этим вопросам можно прежде всего отнести принципы фразеологизации различных речевых формул, которые могут употребляться в определенной ситуации в контексте. В нашем случае остается важным разграничение словосочетаний, поддающихся процессу лексикализации и сочетаний, имеющих признак фразеологичности. Как было сказано выше, проанализированные примеры единиц, охваченные лексикализацией, следует именовать процессуальными ФЕ. Лексическая неделимость — их основной признак, а их главный компонент — перформативные глаголы, указывающие на определенные действия.

Практически отсутствуют исследования по дифференциальным признакам процессуальных фразеологизмов, фразем и УФ, а также по характерным особенностям их употребления в языке деловых бумаг и документов определенного периода. Следовательно, важно отметить, что данное исследование — необходимый шаг лингвопрагматического анализа данных единиц речи в текстах грамоток и челобитных периода XVII–XVIII вв., а также изучения диахронических процессов формирования русской фразеологии.

Список источников

1. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1838. 511 с.
2. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д., 1964.
3. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–125.
4. Гепнер Ю. Р. Об основных признаках ФЕ и о типах их видоизменения // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А. М. Бабкина. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 57–69.
5. Грамотки XVII — начала XVIII в. / под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1969. 415 с.
6. Иванникова Е. А. Об основном признаке фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А. М. Бабкина. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 70–83.
7. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / под ред. С. И. Коткова, А. С. Орешникова, И. С. Филиппова. М. : Наука, 1968. 338 с.
8. Памятники московской деловой письменности XVIII в. / под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1981. 317 с.
9. Телия В. Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов — знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М., 2004. С. 674–684.
10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1963.
11. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
12. Якубинский, Л. П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58.

References

1. Akty yuridicheskie, ili sobranie form starinnogo deloproizvodstva, izdannye Arkheograficheskoyu Komissieyu = Legal acts, or a collection of ancient record keeping forms issued by the Archaeographic Commission, Sankt-Peterburg; 1838. 511 p. (In Russ.).
2. Arhangel'skij VL. Ustojchivye frazy v sovremennom russkom jazyke. Osnovy teorii ustojchivyh fraz i problemy obshhej frazeologii = Set phrases in modern Russian. Fundamentals of the theory of set phrases and problems of general phraseology. Rostov-on-Don; 1964. (In Russ.).
3. Blakar R. Language as an instrument of social power. In: Yazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya = Language and modeling of social interaction. Moscow; 1987. Pp. 88–125. (In Russ.).
4. Gepner YuR. On the main features of phraseological units and on the types of their modification. In: *Problemy frazeologii. Issledovaniya i materialy pod redakciej A. M. Babkina = Problems of phraseology. Research and Materials*, ed. A. M. Babkina. Moscow-Leningrad, Nauka; 1964. Pp. 57–69. (In Russ.).
5. Gramotki XVII — nachala XVIII vv. = Diplomas of the 17th-early 18th centurie. Ed. by SI Kotkov, Moscow, Nauka; 1969. 415 p. (In Russ.).
6. Ivannikova EA. On the main feature of phraseological units. In: *Problemy frazeologii. Issledovaniya i materialy pod redakciej A. M. Babkina = Problems of phraseology. Research and Materials*. Ed. by AM Babkina. Moscow; Leningrad, Nauka; 1964. Pp. 70–83. (In Russ.).
7. Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII veka. = Moscow business and household writing of the 17th century. Ed. by SI Kotkov, AS Oreshnikov, IS Filippov. Moscow, Nauka; 1968. 338 p. (In Russ.).
8. Pamyatniki moskovskoi delovoi pis'mennosti XVIII v. = Monuments of Moscow business literature of the 18th century. Ed. by SI Kotkov. Moscow, Nauka; 1981. 317 p. (In Russ.).
9. Teliya VN. Factor of culture and reproducibility of phraseological units — signs-microtexts. In: *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura = Hidden meanings. Word. Text. Culture*. Moscow, 2004. Pp. 674–684. (In Russ.).
10. Shanskij NM. Frazeologiya sovremennogo russkogo jazyka = Phraseology of the modern Russian language. Moscow, 1963. (In Russ.).
11. Shmelev DN. Sovremennyj russkij jazyk. Leksika = Modern Russian language. Vocabulary. Moscow, 1977. (In Russ.).
12. Yakubinskij LP. On dialogic speech. In: *Izbrannye raboty: Yazyk i ego funkcionirovanie = Selected works: Language and its functioning*. Moscow, 1986. Pp. 17–58. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. Р. Раджапова — преподаватель кафедры современного русского языка.

Information about the author

R. R. Radjapova — Lecturer, Department of Modern Russian Language.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.